

Хаяли Р.И.

**Крым в Великой Отечественной войне
1941–1945 гг.:
некоторые методологические аспекты
исследований**

История Крыма времен Великой Отечественной войны, где имеется много неизученного, еще долгое время будет привлекать внимание историков и обществоведов. На эти процессы существенное влияние оказывает и будет оказывать развитие методологии исторических исследований. Анализ отдельных методологических подходов и принципов, при освещении данной проблемы, определяет актуальность избранной темы. Не вдаваясь в историографический и источниковедческий анализ имеющейся литературы и опубликованных источников¹, целями и задачами публикации является:

- показать наиболее характерные тенденции в исторической и мемуарной литературе, сформировавшиеся во второй половине XX столетия;
- определить перспективы развития исторических исследований.

Методология и принципы научных исследований, мемуарной литературы, посвященных истории Крыма периода Великой Отечественной войны в послевоенный период, формировались и были тесно связаны с развитием источниковой базы, достижениями исторической науки. Это многом определило тематику исследований, где наибольшее внимание уделялось героической защите Крыма, обороне Севастополя, десантным операциям в Керчи, Феодосии, борьбе партизанского и подпольного движения, его тесной связи с народом, освобождение и восстановление народного хозяйства Крыма под руководством КПСС.

Вместе с тем, на методы и принципы исследовательских подходов, их развитие, направление, выбор проблематики в исторической науке существенное влияние оказала депортация населения Крыма по этническому принципу, где решающим фактором выступало обвинение режима ссыльных народов в “измене Родине”. Здесь лишь следует отметить, что едва ли 19,4 % крымскотатарского населения полуострова, две трети которого проживала в сельской местности, могли определить политическую и общественную жизнь Крыма в период немецкой оккупации.

Одновременно серьезное влияние на методологию исторических исследований оказывала господствующая идеология в обществе, строгий партийный контроль и цензура за публикациями монографий, статей, документальных и художественных произведений. Все эти факторы обусловили ограниченность исследований и, как следствие, не изученность целого ряда проблем.

Во многих случаях перед историками стояла задача показать роль крымских татар с отрицательных позиций. Так, в своем докладе П. Н. Надинский на сессии Крымского филиала Академии Наук СССР в сентябре 1948 года, не имея на то серьезных оснований, отмечал: “...свыше 35 тысяч добровольцев-татар служило в рядах германской армии... Тысячи татар-добровольцев служили в так называемых отрядах “самообороны”, карательных отрядах, в немецкой полевой жандармерии, в аппаратах тюрем и лагерей “СД” и палачами в гестапо²”.

В послевоенное время все без исключения научные исследования, художественные произведения проходили жесткую цензуру. В качестве примера можно привести публикацию документальных записок участника партизанского движения в Крыму И. Вергасова “Живи, Севастополь!..” в журнале “Звезда” за 1966 г. (№ 7, 8), где автор отразил свои впечатления о первых месяцах войны, боевую деятельность севастопольских партизан, в том числе и крымских татар.

Реакция Крымского областного комитета партии была незамедлительной. В адрес редакции журнала “Звезда”³ и первому секретарю Ленинградского обкома КПСС В. С. Толстикову⁴, были направлены письма секретаря Крымского обкома Компартии Украины А. Макухина, где отмечалось, что “в документальных записках “Живи, Севастополь!..”, представляющих собой попытку отобразить жизнь и боевую деятельность севастопольских партизан в годы Великой Отечественной войны, допущен ряд серьезных извращений исторической действительности, получивших единодушное осуждение со стороны общественности области и, прежде всего, бывших участников партизанского движения в Крыму.

И. Вергасов не дал себе труда разобраться в принципиальных вопросах национальной политики партии, вносит путаницу в их толкование. Избрав в качестве жанра документальные записки, автор не воспользовался материалами Крымского партархива, достоверно отображающими неблагоприятную роль татарского населения полуострова в период немецкой оккупации. Он объективно берет под защиту крымских татар, пытается оправдать их массовое предательство ошибками и просчетами. Советской власти и трудностями социалистического строительства. Роль отдельных татар-партизан чрезмерно выпячена. Поступаясь исторической правдой, автор прямо утверждает, что фашистам не удалось поставить барьер из татар между партизанами и собственными войсками.

Автор извращенно показывает действия Красной Армии, которая, якобы, охваченная паникой, отступала под натиском врага без всякого сопротивления. “Фашисты вошли в Крым чуть ли триумфаторами, — пишет И. Вергасов. — Они легко, а практически без потерь, подмяли под себя таврические степи, не задерживались и в предгорьях (“Звезда”, № 7, стр. 152)”.

И. Вергасов, по существу, обошел молчанием роль Коммунистической партии во всенародном сопротивлении

немецко-фашистским захватчикам, в развертывании партизанского движения. В произведении ни слова не сказано о руководящей деятельности обкома партии по организации борьбы в тылу врага, а комиссары отрядов и районов изображены близорукими, безынициативными людьми, наделенными целым рядом других отрицательных качеств. Партизанское движение в трактовке Вергасова выглядит стихийным, неорганизованным...”⁵.

В результате автору документальных записок по партийной линии был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Естественно, что в последующих своих мемуарах И. Вергасов “учел” ранее допущенные “ошибки”, особенно в освещении роли крымских татар в партизанском и подпольном движении.

“Неблаговидная роль” не отдельных крымских татар, а целого народа в исследованиях и, особенно в мемуарной литературе, была показана на примере разграбления партизанских продовольственных баз, участия в качестве проводников на стороне оккупационных властей, создания отрядов и батальонов и ведения боевых операций против партизан. Отдельные историки отмечают, что часть продовольственных баз “была обнаружена гитлеровцами при помощи предателей из числа татар и разграблена”⁶, “оккупанты нацелились на разгром партизанских баз. Опорой врагу служили предатели, особенно из татар”⁷.

Но уже сегодня, на основе архивных источников, можно сделать следующие выводы. Во-первых, значительная часть источников в силу ряда причин были недоступны специалистам, во-вторых, исследователями проводилась тщательная фильтрация имеющейся информации, документальных источников, хранящихся в архивах. Анализ этих источников показывает, что разграблением баз занималось население и не крымскотатарских деревень. Например, Шумхай, Ангара, население которых состояло их русских и греков. В качестве проводников участвовали и представители других националь-

ностей. Газета “Крымский партизан” в своем обращении ко всему населению Крыма сообщала, что ими расстреляны жители деревни Саблы В. Надимский и с. Бешуйских копей Анохин и другие, служившие немцам проводниками, выдававшие советских патриотов, раненых красноармейцев и коммунистов⁸. Для борьбы с партизанами немецкими войсками привлекались работники лесхозов, государственных заповедников. Например, научный работник лесхоза Митин, принимавший участие в закладке продовольственных баз, в последующем бежал и стал агентом гестапо. Башкиров — научный работник заповедника и Абрамов перешли на сторону немцев. Последний состоял добровольцем в батальоне деревни Коуш. Все они выдали немцам продовольственные базы⁹. Таких примеров в архивных документах имеется в достаточном количестве.

Начиная с осени–зимы 1941 г. и особенно 1942–1943 гг., партизаны предпринимали активные боевые действия против населения. Военные столкновения между партизанами и населением горно-лесной части носили долговременный и затяжной характер. Обе стороны несли людские потери. Документы показывают, что командиры и комиссары партизанского движения во многих случаях крайне не корректно поступали по отношению к местному населению. Под их руководством проводилось насильственное изъятие продовольствия, скотины, нападение на деревни, физическое насилие и расстрелы.

В тоже время конфликт, между партизанами и местным населением, на наш взгляд, был во многом спровоцирован командованием партизанского движения. Об этом свидетельствует и стенограмма беседы командира севастопольского отряда 5-го района М. Н. Зинченко от 3 апреля 1944 г., где он говорит, что налеты партизан на населенные пункты, их действия против населения давали повод для немецкой пропаганды. М. Н. Зинченко приводит в пример приказ одного из руководителей партизанского движения Мокроусова, который гласил, что

партизанский отряд, стоявший у одной из деревень в январе-феврале 1942 г., питавшийся продуктами, полученными от населения, должен был совершить вооруженный налет на этот населенный пункт. Более того, Мокроусов отдал распоряжение “...всех шатающихся по лесу татар расстреливать на месте... Может быть, он просто ушел в лес, а мы их ловили и расстреливали”¹⁰. Автор утверждает, что лично читал этот приказ и выполнял его. Через три дня приехали немцы и вооружили деревню, а через два дня отряд был разбит румынскими войсками и добровольческими формированиями¹¹. Примечательно, что данный документ составлен до депортации крымских татар.

Существовавшие устои в обществе наложили отпечаток и на мемуарную литературу командиров, бойцов, участников боев за Крым, партизанского и подпольного движения. Данный жанр в подаче исторических фактов, событий является наиболее субъективным. Воспоминания участников партизанского движения во многом несут на себе отпечаток той идеологической атмосферы, которая господствовало в СССР.

Несмотря на то, что в изучении истории Крыма периода Второй мировой войны исследователями был достигнут определенный успех, все же историческая наука имела существенные ограничения, что в целом сказывалось на качестве исследований. Особенно это касается проблемы коллаборационизма. И сегодня появляются работы, которые открыто искажают исторические факты и события в истории Крыма. В качестве примера можно привести небольшую брошюру О. Романько¹². Изначально нужно отметить научную неэтичность и бестактность в названии работы и методологический подход с конфессиональной точки зрения — “Мусульманские добровольческие формирования...”. Общеизвестно, что в германских вооруженных силах таких формирований не было. Были восточные легионы, куда входили вооруженные формирования, состоявшие из представителей различных народов СССР. Подход к данной проблеме именно с таких

позиций, с нашей точки зрения, изначально является ошибочным и чреват серьезными методологическими просчетами. Затрагивая проблему крымских татар периода Второй мировой войны, автор сознательно избегает ценных работ, где освещается данная проблема.

Исследователь сознательно формирует в общественном сознании мысль о том, что в добровольческих формированиях в Крыму принимали участие только крымские татары. Часть исследователей, ссылаясь на серьезные документы, отмечают, что эти вооруженные формирования по своему составу были многонациональными, а в отдельных населенных пунктах добровольческие формирования состояли не из крымских татар¹³. Например, по данным бывшего командира взвода Б. Тураева, проживавшего в 1990 г. в пгт. Серахс Туркменистана, в составе 147 батальона служили крымские татары, русские, украинцы, туркмены, казахи. «В действительности в этих формированиях служили жители как крымско-татарских, так и русских, украинских, армянских, болгарских, греческих, а также этнически смешанных населенных пунктов»¹⁴. Эту же мысль подтверждают историки Н. Бугай и Ю. Зинченко, которые отмечают, что добровольческие формирования в Крыму состояли не только из крымских татар. Их состав во многом зависел от местности формирования. Отдельные роты в населенных пунктах, например, Бия Сала, Мазанка и другие состояли из русского населения¹⁵.

Например, командиром и заместителем командира 152 добровольческого батальона были немцы. В составе роты, дислоцировавшейся в деревне Коуш, были не только крымские татары, но и грузины, русские, армяне, казахи, украинцы, узбеки¹⁶.

О многонациональном составе добровольческих формирований свидетельствуют материалы судебного процесса в Симферополе, который проходил с 29 мая по 11 июля 1972 г. над группой карателей, участвовавших в годы войны в массовых расстрелах советских граждан в концлагере совхоза

“Красный” Симферопольского района. Дело рассматривалось выездной сессией Военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа. Перед судом предстали 6 человек — Ходжаметов, Абжелилов, Куртвелиев, Салаватов, Парасотченко и Кулик. Все они в годы войны проходили службу в 152 добровольческом батальоне “СД”. Как видно, трое последних не крымские татары.

Отсутствие достаточного количества источников и не изученность историографии проблемы свидетельствует о том, что работа О. Романько во многом является поверхностной, без серьезного и всестороннего научного анализа. Наиболее уязвимой проблемой является общее количество служивших крымских татар в германских вооруженных силах, которые приводит О. Романько от 15–20 тысяч при населении 220 тысяч¹⁷.

Участие крымских татар в добровольческих формированиях автор стремится объяснить весьма упрощенно — германской политикой на оккупированной территории. Не принимаются во внимание альтернативные планы германского руководства, более реальные, чем разыграть “мусульманскую карту” по отношению к народам СССР, а именно массовое истребление мирного крымскотатарского населения и планирование его переселения.

В отдельных случаях исследователь прибегает к искажению фактов. За время издания газеты “Azat Kirim” на ее страницах было опубликовано немало статей, посвященных культурной жизни русских в Крыму. В связи с этим едва ли можно согласиться с автором, что мусульманские комитеты и, следовательно, газета “Azat Kirim”, как идейных вдохновителей, были “непримиримые враги всего русского”¹⁸. Но на страницах газеты неоднократно публиковались статьи, заметки о культурной жизни русского населения Крыма. Жаль, что этими источниками не пользовался О. Романько.

Можно согласиться с тем, что в работе любого научного исследования есть какие-то недоработки, возможно неточ-

ности. Но то, что касается публикаций О. Романько в журнале “Культура народов Причерноморья” является откровенной фальсификацией фактов. Приведем конкретную цитату из статьи: “Часть татарских и русских добровольцев из Крыма, числом около 500 человек, в качестве *Niwi* оказались в 1944 г. в 35-й полицейской дивизии СС и боевой группы Крым (с марта 1945 г. в составе Азербайджанской боевой группы)”¹⁹. В следующей статье в этом же журнале автор упоминает только крымских татар²⁰. Хотя в целом брошюра О. Романько является открытым плагиатом материалов из Интернета, при этом без каких-либо сносок на использованные источники. Едва ли такие принципы и методы исследования послужат объективному освещению истории Крыма периода Великой Отечественной войны.

Во второй половине XX столетия исследователями проводилась фильтрация архивных материалов, что существенно ослабляло методологию исследований, влияло на результаты исследований и качество работ. Все это не способствовало объективному и адекватному отображению тех событий, которыми был охвачен Крым в период Великой Отечественной войны. В силу сложившихся условий многие трудные аспекты выпадали из поля зрения специалистов. Среди них особенности этнической политики германского оккупационного режима, проблема коллаборационизма населения Крыма, противоречия между крымскотатарским населением горно-лесной части полуострова и партизанами на первых этапах войны, ошибки и просчеты партийного и советского руководства Крымской АССР. Методология исторических исследований до недавнего времени не позволяла подойти к освещению истории Крыма с учетом всего комплекса существующих проблем. Существовавшие научные подходы и методы во многом определили и качество исследований.

На современном этапе, в условиях независимой Украины открылись новые грани в исследовательской деятельности.

Без сомнения, когда обществоведы получили более широкий доступ к документальным источникам при имеющейся историографии и методологии должны подходить к данной проблематике объективно, непредвзято, правдиво освещая сложные и трудные события в истории Крыма периода 1941–1945 гг., так как многие вопросы до сих пор остаются неисследованными.

Одновременно нужно отметить и отдельные тенденции. Если в советской научной исторической и мемуарной литературе крымские татары показывались отрицательно, то в крымскотатарское прессе, публицистической и мемуарной литературе в огромных количествах на протяжении долгих лет публиковались материалы о героической борьбе сынов крымскотатарского народа на фронтах войны, в партизанском и подпольном движении. Сегодня этот вектор, хотя он более характерен пока для прессы и околонуучных кругов, принял несколько иное, на наш взгляд, весьма опасное направление. Действует принцип “Око за око, зуб за зуб”, который исходит из цели осветить историю того или иного этноса и его роль в годы войны с негативных позиций. Эти тенденции характерны для всей полиэтнической прессы Автономной Республики Крым, а в отдельных случаях и отдельные научные исследования. Возможно, в этом определенная вина и обществоведов. Такие проблемы как этническая экономическая, религиозная, образовательная, культурная политика германского оккупационного режима, проблема коллаборационизма, конфликт между гражданским населением и партизанским движением, который в отдельных случаях напоминал гражданскую войну, не только должны изучаться, но и получить объективную и непредвзятую оценку специалистов.

Примечания:

¹ Хаяли Р.И. Крым в период Второй мировой войны: историография и опубликованные источники // Наукові записки / Збірник. –

К.: ІПІЕНД, 2003 – 335 с. / Сер. “Політологія і етнологія”; Вип. 23. – С. 79–96.

² Государственный архив Автономной республики Крым (далее — ГААРК). – Ф. П. 1, оп. 4, д. 158. – Л. 15.

³ ГААРК. – Ф. П. 1, оп. 4, д. 301. – Лл. 47–48.

⁴ ГААРК. – Ф. П. 1, оп. 4, д. 301. – Лл. 49–51.

⁵ ГААРК. – Ф. П. 1, оп. 4, д. 301. – Лл. 49–50.

⁶ *Чирва И.* Великая победа партии и народа. // Крым в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – С. 12.

⁷ *Луговой Н.* Партизанское движение в Крыму (1941–1944 гг.) / Крым в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – С. 128.

⁸ ГААРК. – Ф. П. 156, оп. 1, д. 161. – Л. 1.

⁹ ГААРК. – Ф. П. 1, оп. 1, д. 2144 “а”. – Л. 9.

¹⁰ ГААРК. – Ф. П. 156, оп. 1, д. 47. – Л. 141.

¹¹ ГААРК. – Ф. П. 156, оп. 1, д. 47. – Л. 141.

¹² *Романько О.В.* Мусульманские легионы третьего рейха (Мусульманские добровольческие формирования в германских вооруженных силах 1939–1945). – Симферополь: Таврия–Плюс, 2000.

¹³ Комментарии редакции журнала “Ватан” // Ватан. – 1991. – № 6. – С. 21–22.

¹⁴ “Твой дом не твой дом, потому что ты маленький...” // Ватан. – 1990. – №. – С. 14–15.

¹⁵ *Бугай Н.Ф.* Депортація кримських татар в 1944 року // Український історичний журнал. – 1992. – № 1. – С. 33; *Зинченко Ю.І.* Кримські татари: історичний нарис. – К., 1998. – С. 100–101

¹⁶ “Твой дом не твой дом, потому что ты маленький...” // Ватан – 1990. – №. – С. 14.

¹⁷ *Романько О.В.* Мусульманские легионы третьего рейха ... – С. 60.

¹⁸ *Романько О.В.* Мусульманские формирования из граждан СССР в германской армии (1941–1945) // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 209

¹⁹ *Романько О.* Добровольческие формирования из граждан СССР в германской армии на территории Крыма (1941–1944). Этапы создания и деятельности // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 5. – С. 290.

²⁰ *Романько О.* “Мусульманские формирования” из граждан СССР в германской армии (1941–1945) // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 209; *Хаяли Р. И.* Крым в период

Второй мировой войны: историография и опубликованные источники // Наукові записки / Збірник. – К.: ІПіЕНД, 2003 – 335 с. / Сер. “Політологія і етнологія” – Вип. 23. – С. 79–96.

Мищак І.

Діяльність архівних установ України в роки Великої Вітчизняної війни

Період Великої Вітчизняної війни, незважаючи на численні дослідження, досі залишається недостатньо висвітленим у науковій літературі. Якщо перебіг бойових дій, робота оборонної промисловості детально відображено в працях дослідників, то діяльність окремих галузей і сотень тисяч людей, їх внесок у перемогу і досі невідомі не лише широкому загалу, а й науковцям. Серед них — архівна справа та діяльність українських архівістів.

Звичайно, архівній роботі в роки Великої Вітчизняної війни, у тому числі й евакуації українських архівів у східні райони СРСР, присвячено ряд праць, особливе місце серед яких посідають дослідження О. Г. Мітюкова, М. Г. Дубик та інших авторів, помітну увагу цьому періоду приділено й у “Нарисах історії архівної справи в Україні”¹. Проте ряд питань і досі залишаються мало дослідженими.

Пропонована стаття є спробою дослідити роль архівістів у збереженні національної архівної спадщини, використання інформації архівних документів у період Великої Вітчизняної війни.

Напад фашистської Німеччини на Радянський Союз і стрімке просування вермахту по території України призвело до певної розгубленості вищого партійно-держаного керівництва. Лише 27 червня 1941 року прийнято постанову ЦК ВКП(б) та Ради Народних Комісарів СРСР (РНК) про порядок вивезення й розміщення людей та майна. Усі цінності,